

Летописец епископ Дамиан

Мы воспитаны считать первым летописцем земли русской монаха Нестора. Русский поэт Пушкин, вдохновлённый величием духа и скромностью первого русского историка, художественно нарисовал образ этого древнего старца, удалившегося от всего мирского, спокойно и беспристрастно описывающего всё то, чего «недаром свидетелем господь его поставил и книжному искусству вразумил». У такого летописца была единственная бескорыстная цель писания, чтобы «когда-нибудь монах трудолюбивый найдёт мой труд измятый, безмянный и пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет»... И дальше: «да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу, за их дела великих поминают, а за грехи, за тёмные желанья спасителя смиренно умоляют».

Так было давно, давно в седой старине, когда седые монахи, высохшие от постов и молитв, вразумлённые книжному искусству, «не мудрствуя лукаво», записывали современные им события.

Мы, не сомневаясь, верили, что на этом дело русской истории кончилось: летопись из монастыря ушла, слегка попачкала княжеские руки, а потом перешла и крепко засела в руках спецов-профессоров и приват-доцентов.

Но мы ошиблись: седая Русь не совсем умерла, и 24 сентября во Владимирском Революционном Трибунале, когда оглашался дневник подсудимого епископа Домиана, обвинявшегося между прочим в сокрытии преступления иеромонаха Иоасафа, пытавшегося в монастырских стенах, «отряхнув пыль веков», воскресить былые приёмы развратных римских императоров, — епископ Домиан гордо заявил: дневник мой — моя летопись.

Когда мы услышали это заявление, приготовились жадно ловить слова новых правдивых летописных сказаний, сухой стародревний Нестор пронёсся в нашем представлении зазеленевшей могильной плитой, на которую гордо накладывается мраморная скрижаль академика духовного историка Домиана.

Мы слушали летопись Домиана и задыхалась от столбов пыли, поднятой дерзкой рукой учёного монаха Домиана. Летописец расписывал вкусовые ощущения от пшеничных пирогов, рыбок, рыб, масла, варенья, упоминал о возах добришка, крестах, обмениваемых на хлебные пуды, о снах, в которых чёрные козлы плясали над раками святителей, о белых полчищах, приехавших для спасения его на станции, о своей молитве и просьбе у бога ливня, который испортил бы Первомайский субботник, и о цветах «вероятно» Смирновой... И на память нам невольно шёл плавный стих поэта Пушкина: «да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу»...

Летописец Домиан открыл и тайный ключ понимания его летописных сказаний и смирению поучал, что его летописный термин «большевики — воры» надо понимать летописно по историческому методу понимания, проводя параллель с названием «Тушинский — вор», в лагере которого тем не менее был православный царь. Ловкий монах убеждал, что исторические названия не служат предметом обиды. Много ещё говорил изворотливый монах, пытаясь даже стыдливо прикрываться демократическим платочком, но это уже не трогало нас, нам было ясно, что монах Домиан не мог воскресить памяти древнего Нестора... Седая старина канула в вечность, а современные похотливые обжоры-фигляры чёрными козлами носились над гнившими костями прошлого.

Скорбящий.